

Секция «Востоковедение, африканистика»

Движение 1 марта 1919г. в контексте японской оккупации

Эсаулова Дарья Евгеньевна

Студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления, ИМОиП,

Новосибирск, Россия

E-mail: daria.esaulova@gmail.com

Движение первого марта является исключительно важным событием в корейской истории. В настоящее время 1 марта в Корее является государственным праздником – днем национальной независимости. В историографии, как отечественной, так и зарубежной, Самиль ундон (Первомартовское движение, народное восстание, в Корее – «Тоннип мансе», в Японии – «Банзайские события») является дискуссионным. Существуют различные мнения по поводу его названия, о роли каждой из групп участников, о действиях лиц, подписавших Декларацию независимости, о данных относительно жертв, а также по-разному оцениваются реформы Сайто (“эра культурного правления”), которые проводило японское правительство после подавления движения, получившее в Корее название “политика бархатной кошачьей лапы”. Существуют различные подходы к анализу данного события. Самиль ундон рассматривается в контексте иностранного влияния (в том числе через призму американо-японских и англо-японских отношений [7, 220-256]) и в сравнении с Движением 4 мая в Китае. Помимо этого, рассматривается влияние на возникновение движения таких двух факторов, как «14 пунктов» В. Вильсона и революционные события в России. Однако сами по себе эти события вряд ли бы смогли спровоцировать такое крупномасштабное движение. В этой связи целесообразно проанализировать процессы, проходившие в Корее в тот период, которые в конечном итоге привели к событиям 1 марта 1919г.

В этот период Корея была аннексирована Японией. С 1895г., времени установления протектората Японии, в Корее происходили антияпонские восстания, но они носили локальный характер, по сравнению с Самиль ундон, [3, 222] велись методами партизанской борьбы (движение Ыйбён) и индивидуального террора (убийство членов Ильчинхве, японцев). На формирование мощного общенационального антияпонского движения значительное влияние оказал национальный характер корейцев и их национализм [6, 4-8]. Антияпонские настроения среди корейцев усилились в период установления протектората и начала колонизации, в какой-то степени сохраняются до сих пор. Росту их в указанный период способствовала агрессивная политика Японии, направленная на превращение Кореи в свою провинцию. Многие идеологи японизма (К.Окакуро, Ю.Фукудзава, А.Ямагата) указывали на стратегическую необходимость подчинения Кореи Японии. Япония обосновывала свои действия в Корее как желание помочь Корее стать более развитой страной, но в действительности их целью было ослабление Кореи во всех сферах – политической, экономической, культурной. Япония, путём ценовой, налоговой и кредитной политики создавала такие экономические условия, которые способствовали сокращению конкурентоспособности корейских производителей по сравнению с японскими; использовала дешёвый корейский рис для спекуляций на мировом рынке (причем мотивировала это тем, что «рис нужен для духа императорской Японии»). Путём навязывания Корее неравноправных договоров, Япония смогла беспо-

шлинно вывозить драгоценные и стратегически важные металлы и другие минеральные ресурсы. Все стратегически важные отрасли находились в руках японских дзайбацу и крупных прояпонски настроенных корейских промышленников [2, 280]. Японцы использовали с своих интересах неразвитость кредитной системы в Корее, фактически монополизировав эту сферу [5,6]. Были повышены арендная плата на землю (50-70% на севере и 80-90% урожая на юге), а налоговая политика базировалась на «принципе финансовой независимости», подразумевавшем, что колониальный аппарат полностью должен содержаться за счет корейского населения [4, 16]. Дискриминация корейского населения наблюдалась в сфере оплаты труда, политических и социально-культурных прав. Первое десятилетие японского управления, получившее название «сабельный режим», характеризовалось ростом числа тюрем, полицейского аппарата, ужесточением цензуры. Были запрещены не только политические объединения, но даже спортивные, научные и литературные. Корейцы считались «низшей расой», поэтому к ним не могли применяться японские законы как «слишком либеральные». Следуя принципу «чтобы держать народ в повиновении, нужно держать его в невежестве», японские колониальные власти закрыли множество частных школ, университетов не было. Японскому языку был присвоен статус родного; уничтожалась корейская культура, корейский язык был запрещен, книги сжигались, а за их хранение грозило тюремное наказание. В таких условиях произошло общенациональное освободительное движение. Оно объединило самые различные слои корейского населения. Наиболее многочисленной группой были крестьяне, а также ремесленники, рабочие, мелкие торговцы. В движении принимали участие янбаны-традиционалисты, придерживавшиеся идеи “Виджон Чхокса”, а также “Ильчинхве”, о чем в некоторых корейских источниках стараются не упоминать. Кроме того, движение объединило в себе представителей различных религиозных взглядов – протестантов и сторонников Чхондогё [1]. Однако все они выступали за мирное, ненасильственное достижение независимости. Руководители движения, которые подписали Декларацию независимости, во избежание эскалации насилия сдались японской полиции. Однако этот факт оценивается по-разному. Согласно Ф.И. Шабшиной, они являются предателями. Согласно корейским источникам [8, 35-38], возглавляли движение христиане, самой многочисленной и активной группой участников движения были студенты. Японцы с особой жестокостью расправлялись с участниками движения – они применяли штыки и дубинки, выкалывали глаза, отрезали уши, кроме всего прочего, занимались мародерством, поджигали храмы и дома. Данные о погибших и пострадавших существенно отличаются в разных странах: японские данные об убитых более, чем в 10 раз меньше, чем данные Кореи. Для подчеркивания массовости и общенационального характера событий 1 марта 1919г. корейские историки, скорее всего, суммировали общее число всех участников движения, без учета возможного участия одного человека в нескольких восстаниях.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, влияние международных факторов, скорее косвенное, опосредованное, давшее лишь направление движению;

Во-вторых, роль революционных событий в России преувеличена, так как ни положения Декларации независимости, ни лозунги участников движения не были тождественны коммунистическим;

В-третьих, субъективный характер носят корейские данные о жертвах событий и

действиях руководителей движения в день объявления Декларации независимости.

Литература

1. Асмолов К.В. Первомартовское движение в контексте истории Кореи. <http://ru.koresaram.doira.uz/Articles/ArticleInfo.aspx?Id=1a40a0e6-8edc-4bf1-ac67-80113c4a19ef> .
2. История Кореи (Новое прочтение)/Под. ред.А.В. Торкунова. М., 2003.
3. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840-1949). – М., 1956.
4. Шабшина Ф.И. Народное восстание 1919г. в Корее. М.,1958.
5. Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895-1917). М., 1964.
6. Hong Yi-sup. March 1, 1919: A Turning Point in the Modern History of Korea// Korea Journal, March 1971.
7. Ku Daeyeol. The March First Movement: with Special Reference to its external Implications and Reactions of the USA// Korea Journal. – 2002, Autumn.
8. Park Eun-sik. Movements iu Euiju and Chinju; March 1-May 31, 1919. //Korea journal. March, 1981.

Слова благодарности

Выражаю искреннюю благодарность научному руководителю, д.и.н., профессору Ивониной Ольге Ивановне